

Цзи Юйцзинь ослабил хватку и отпустил его, произнеся со злобным оттенком:

— Чего боишься? У меня там ничего нет. Смотри, я дал тебе возможность проявить необузданность, а ты не захотела.

Чу Фэнцин прочистил горло, и холодный воздух вызвал раздражение, от которого запершило. Он несколько раз кашлянул, но не смел кашлять сильно, опасаясь, что разовьётся астма. Он родился с астмой, и она не поддавалась излечению, приходилось принимать лекарства. Но сейчас при нём не было никаких снадобий. Он сильно закусил губы, глаза его увлажнились, но лицо оставалось холодным, словно айсберг.

Цзи Юйцзинь приподнял брови и лениво произнёс:

— Сердце щемит при виде плачущей красавицы. Древние не обманывали. Не будь Цзацзя безродным, ты бы, госпожа моя, уже невесть сколько раз сегодня плакала.

Кровавый привкус во рту стал для Чу Фэнцина почти невыносим, но зуд в горле наконец утих.

Чу Фэнцин заставил себя успокоиться.

— Господин Глава.

Цзи Юйцзинь поджал губы. Его волосы были ещё влажными, вероятно, он только что закончил мыться. Он накрутил прядь чёрных волос Чу Фэнцина на палец и медленно играл с ней. Ворот его алого халата был куда опрятнее, чем у Чу Фэнцина. Он усмехнулся.

— Желает ли госпожа продолжить?

— Мне сегодня нездоровится. — Глаза Чу Фэнцина дрогнули, и он произнёс: — Прошу, пощадите меня, господин Глава.

Цзи Юйцзинь помедлил мгновение.

— Хорошо, я не из тех, кто не щадит женщин. Подожду, пока госпоже станет лучше. Госпоже следует хорошенько беречь себя и поправиться как можно скорее. Цзацзя и впрямь — хочет этого.

— Хоть у меня и нет этой штуки, но есть много вещей, которые могут её заменить. Если госпожа пожелает, можете просто попросить.

— Э-э... — Чу Фэнцин лишь почувствовал, как у него пульсирует в висках. Всё сегодняшнее

казалось сном, кошмарным сном.

Он поднялся, коснулся своего воротника тонкими костяшками пальцев и застегнул свадебное платье одну за другой до самого верха, затем вернулся к своему спокойному выражению и произнёс чистым голосом:

— Благодарю, господин Глава.

Чу Фэнцин огляделся. Ему не хотелось спать в одной постели с Цзи Юйцинем. Он посмотрел на маленькую кушетку рядом с кроватью. Кушетка была очень мала и не имела постельных принадлежностей. На вид она вовсе не годилась для сна. По правде говоря, он поначалу подумал, что это всего лишь гостевая комната. В конце концов, обстановка была слишком простой.

Но прежде чем он успел что-либо сказать, алое одеяло перелетело через него и накрыло его лицо. Цзи Юйцин скрестил руки и сказал:

— Спи.

Чу Фэнцин на мгновение опешил. Ладно, пусть будет так, больше нет сил ворочаться. В тот миг, когда он приподнял одеяло, его руки и ноги уже замёрзли, а теперь и одеяло было холодным, и то небольшое тепло, что он с таким трудом накопил, ушло.

Одеяло было одно на двоих, а Цзи Юйцин всё ещё сидел, из-за чего в одеяле образовалась щель, пропускавшая холодный воздух. Он повернул голову, чтобы взглянуть на Цзи Юйциня, но случайно поймал его взгляд. Тот смотрел на него... Цзи Юйцин всё это время пристально глядел на него.

Цзи Юйцин первым выразил недовольство:

— Ты почему подглядываешь за мной?

Чу Фэнцин нахмурился. Что следует говорить в такой ситуации? Ради собственной жизни он не смел перечить Цзи Юйциню. Он вспомнил, что говорила его сестра каждый раз, когда подглядывала за ним и попадалась. Он произнёс холодным голосом:

— Потому что вы хороши собой.

Цзи Юйцин: «.....»

Этот человек снова признаётся в любви?

Ночь сгущалась, дыхание Чу Фэнцина постепенно выровнялось, но изгиб губ Цзи Юйцзиня медленно выпрямился, и он поджал тонкие губы. Его взгляд, устремлённый на Чу Фэнцина, становился всё серьёзнее. О чём думал старый император? Зачем он отдал дочь Чу Чжэньиня ему? Чьё это было намерение?

Дело о коррупции Чу Чжэньиня было столь масштабным, и такую горячую картофелину швырнули в его дом. Похоже, кто-то счёл, что его жизнь слишком затянулась.

Нравится ему? Хех.

Ц-ц, какая морока. Почему бы просто не убить её и не покончить с этим?

Цзи Юйцзинь положил свою большую ладонь на шею Чу Фэнцина. С такой тонкой шеей даже небольшого усилия хватит, чтобы сломать её без труда.

Он медленно сжал хватку и уже собирался действовать, как в ушах его прозвенел холодный голос из далёкого прошлого.

— Ты в порядке?

Цзи Юйцзинь нахмурился и после паузы разжал пальцы, остановив взгляд на лице Чу Фэнцина. Сходство было поразительным, но голоса — как небо и земля, и... Опустив глаза, он взглянул на свою руку, затем на тонкую шею перед собой. У «неё» не было кадыка.

Прошло так много времени, что его воспоминания о том человеке превратились лишь в смутную тень. Забудь. Он презирал быть в долгу перед кем-либо, так что просто сочтёт это уплатой долга благодарности.

Убрав руку, Цзи Юйцзинь поднялся с кровати и вскоре вышел за дверь.

Свечи с драконом и фениксом колыхались на ветру, и тусклый свет не мог осветить всю комнату. В темноте Чу Фэнцин медленно открыл глаза. Взгляд его был ясен, не как у того, кто только что проснулся. Он дважды кашлянул, достал из-за пазухи маленький нефритовый флакон и, открыв крышку, вдохнул лекарственный аромат. Он проглотил маленькую чёрную пилюлю. Лекарства во флаконе оставалось немного.

Сделав всё это, он снова лёг и закрыл глаза.

На следующее утро, проснувшись, Чу Фэнцин снова обнаружил рядом с собой чужое дыхание. Когда он вернулся?

Цзи Юйцзинь один занял большую часть кровати. Чу Фэнцин поднялся очень медленно. Его

руки и ноги после ночного сна всё ещё были холодными. Они лежали недалеко друг от друга, и он даже мог ощущать жар, исходящий от другого, словно от печи.

После вчерашней суматохи Чу Фэнцин чувствовал лёгкую головную боль, и его изначально бледное лицо теперь слегка покраснело. Он проверил собственный пульс и обнаружил, что простудился. Теперь оставалось лишь надеяться, что лекарство, принятое прошлой ночью, возымеет действие и простуда не вызовет приступ астмы.

К этому времени его мать и сестра должны были уже достичь следующего города. Как только они доберутся до Цзяннани, у них будут свои люди, на которых можно положиться, в безопасности от имперской столицы. По крайней мере, какое-то время они смогут жить спокойно, не тревожась о еде и одежде.

Следующее — его отец. Этой осенью в Западной Фуцзяни случилось внезапное наводнение. Бесчисленные зерновые поля и дома оказались затоплены, повсюду были голодающие. Однако государственная казна находилась в стеснённом положении, и средства на помощь пострадавшим приходилось собирать отовсюду по крупицам. В этот критический момент императорский посланник доложил, что до района бедствия дошло менее одного процента от выделенных средств.

Император пришёл в ярость и немедленно отправил Дунчан¹ расследовать обстановку. Первым, кто понёс наказание, стал глава Ведомства налогов и сборов — Чу Чжэньинь.

¹Дунчан (Восточная Оружейная палата) — ведомство тайной полиции династии Мин.

Хотя его отец и занимал пост главы Ведомства налогов и сборов — должность, сулившую наибольшие выгоды, — он был честным чиновником и никогда не брал взятки, не говоря уже о том, чтобы присваивать средства на помощь пострадавшим. Он также был человеком добрым и не наживал себе врагов. Единственная возможность заключалась в том, что он стоял у кого-то на пути.

Он примчался сюда из Цзяннани сразу после происшествия. Он редко бывал в столице и мало что понимал в столичных делах. Ему стоило немалых трудов повидать отца. Однако отцу, вероятно, дали какое-то снадобье, или он перенёс слишком много страданий, так что рассудок его помутился, и добиться от него каких-либо сведений было совершенно невозможно.

В этот критический момент его старший брат, охранявший границу, также попал в беду, и его судьба до сих пор оставалась неизвестной. Чу Фэнцин крепко сжал одеяло. Род Чу был верен престолу, но в итоге их постигла такая участь...

Позже император лишил весь род Чу всех должностей и постановил, что никому из их сыновей впредь не будет дозволено служить. В одну ночь семья Чу стала изгоем, от которого все шарахались.

Мысли его были полны тревог, и в этот момент в дверь постучали. Чу Фэнцин отдернул руку и посмотрел на Цзи Юйцзиня. Цзи Юйцзинь всё ещё не открывал глаз, но явно тоже услышал звук. Брови его были крепко нахмурены, а выражение лица — отвратительное.

Стук в дверь снаружи не стихал из-за его гримасы. Наконец он открыл глаза, полные враждебности.

Он крикнул в сторону двери:

— В чём дело?!

Послышался слегка постаревший голос Лао Мо:

— Отвечаю господину, вы и госпожа должны сегодня отправиться во дворец, чтобы выразить благодарность. Уже поздно.

Цзи Юйцзинь помедлил и взглянул внутрь кровати, словно только сейчас вспомнил о существовании Чу Фэнцина. Он закрыл глаза, помассировал висок и сказал:

— Входите.

Лао Мо вошёл с несколькими служанками, чтобы помочь им умыться и переодеться.

Когда служанки и Лао Мо увидели Чу Фэнцина, выражение их лиц слегка изменилось, а лицо младшей служанки внезапно покраснело.

В комнате Цзи Юйцзиня не было ни бронзового зеркала, ни туалетного столика. Лао Мо на время раздобыл откуда-то один. Лишь усевшись перед бронзовым зеркалом, Чу Фэнцин понял, почему у Лао Мо и остальных были столь красноречивые лица.

На его подбородке красовались два отпечатка пальцев — должно быть, Цзи Юйцзинь оставил их прошлой ночью. За ночь они слегка посинели и побагровели. Его кожа и без того была светлой, так что два отпечатка выделялись особенно отчётливо.

Более того, ворот свадебного платья был полураспушен, а на шее за его пределами виднелся кровавый след, и любой, кто имел опыт, мог бы сказать, что это за метка. В уголке губ также была ранка, которую он сам прокусил, и за ночь она слегка припухла.

Даже если бы они сказали, что прошлой ночью ничего не было, никто бы им не поверил.

Чу Фэнцин отвернулся и спросил без выражения:

— Можно ли это скрыть?

Служанка уставилась на него с нескрываемым восхищением, и её слова стали немного запинаться:

— Отвечаю госпоже, можно лишь самую малость прикрыть.

Лучше прикрыть немного, чем совсем никак.

— Благодарю за помощь.

Когда он попытался замаскировать следы, то понял, что даже самая светлая пудра не была столь белой, как его кожа, отчего маскировка выделялась сильнее, чем если бы он оставил всё как есть.

Служанка произнесла:

— Госпожа, это...

Чу Фэнцин закрыл глаза и сказал:

— Ничего, просто сотри.

— Слушаюсь.

Когда служанка приводила его в порядок, Чу Фэнцин отказался от румян и пудры и лишь позволил уложить волосы, явив миру чрезвычайно утончённое лицо.

Юная служанка ахнула, но, поскольку присутствовал Цзи Юйцзинь, не осмелилась ничего сказать и лишь молча отвела взгляд.

Когда пришло время переодеваться, возникла проблема. Чу Фэнцин не знал, что сегодня отправляется во дворец, поэтому у него не было запасной одежды.

Служанки тревожно засуетились. Цзи Юйцзинь окинул его взглядом с ног до головы и произнёс неопределённым тоном:

— Ты очень высокая.

С этими словами он подошёл и встал рядом, чтобы сравнить рост. Чу Фэнцин был ниже его

меньше чем на полголовы, что считалось очень высоким для женщины.

Чу Фэнцин сжал пальцы и сказал:

— Я уродилась высокой.

Цзи Юйцзинь приподнял губы, но ничего не сказал. Лао Мо слегка встревожился.

— Госпожа, вы слишком высоки, и в лавках готового платья мало таких размеров. Сейчас трудно найти что-то подходящее.

Цзи Юйцзинь взглянул на него и сказал:

— Незачем суетиться. Лао Мо, принеси мою красную накидку.

С этими словами он сорвал жемчужные цветы с его воротника, подобрал кинжал, отброшенный вчера, и под испуганные возгласы служанок срезал вышитый узор. Все шёлковые и золотые нити были сорваны, и свадебное платье вмиг стало куда скромнее.

Цзи Юйцзинь взял у Лао Мо накидку и набросил её на него сзади. При этом его рука коснулась руки Чу Фэнцина, которая была ледяной. Цзи Юйцзинь на мгновение замялся, затем застегнул завязки за него.

Накидка была красной, с воротником из белого лисьего меха. Она была очень длинной и широкой и, должно быть, принадлежала мужчине. Однако воротник, расшитый белым лисьим мехом, придавал ей женственный вид и совсем не походил на вещь Цзи Юйцзиня.

Но как бы то ни было, эта накидка могла скрыть его свадебное платье и укрыть следы на шее. Самое же главное — она была очень тёплой. Чу Фэнцин остался весьма доволен.

Взгляд Чу Фэнцина заметно смягчился. Белый лисий мех делал его вид ещё более ослепительным. Он поблагодарил Цзи Юйцзиня.

Заметив его смягчившийся взгляд, Цзи Юйцзинь на миг опешил, затем улыбнулся и сказал:

— Я лишь преподнёс дар красавице, благодарности излишни.

Чу Фэнцин взглянул на него и ничего не ответил.

Экипаж уже ждал у ворот поместья. Падал снег, и Лао Мо держал над Чу Фэнцином зонт из промасленной бумаги. Облачённый в алое, он двигался сквозь белый снег, словно ветка

цветущей сливы, распустившаяся среди зимнего инея.

Цзи Юйцзинь даже облачился в придворное одеяние — халат с бычьими рогами, выказывая безмерную милость императора. На нём было строгое красное придворное одеяние, а на голове — Лянгуань². Осанка его была прямая, без малейшего следа сторбленности, свойственной евнухам. Чу Фэнцин подумал, что, не будь он евнухом, он тоже стал бы предметом обожания женщин в теремах.

²Лянгуань — тип головного убора-короны.

Но почему он стал евнухом?

Когда они вдвоём подошли к экипажу, Цзи Юйцзинь протянул ему руку. Чу Фэнцин, погружённый в раздумья, не сразу отреагировал.

Цзи Юйцзинь с улыбкой произнёс:

— Что уставилась на меня как зачарованная? Не волнуйся, ночью сможешь смотреть сколько душе угодно. Я дам тебе увидеть всё, что пожелаешь. Но сейчас день, и мы на людях, так что госпоже моей следовало бы проявить сдержанность.

У автора есть что сказать:

Цзи Юйцзинь: «Госпожа моя, госпожа моя, хочу показать тебе большое сокровище!»

Чу Фэнцин: «.....»

<http://bllate.org/book/17231/1613343>